

психологическое или мировоззренческое явление — в тех случаях, когда она обуславливается личностными особенностями субъектов права, склонных разделять мнение или примирительно относиться к действиям другой стороны из-за особенностей своего характера (склонности к конформизму, уступчивости, пассивности) или из-за идеологических, политических, нравственных, религиозных убеждений. В данном случае субъект права относится безразлично к позиции другой стороны и, соглашаясь с ней, воспринимает представленную в ней интерпретацию закона и индивидуальную норму; 2) как элемент тактического соглашения, которое существует в тех случаях, когда собственная терпимость используется индивидом в качестве вынужденной уступки, как средство достижения каких-либо целей в обмен на проявление терпимости к своей позиции; 3) как элемент стратегического соглашения, компромисса между властью (государством) и народом (индивидами и их сообществами), закрепляющего, с одной стороны, пиетет власти к свободе личности и к ее праву своими действиями изменять закон, противоречащий господствующим понятиям о естественном праве, и, с другой стороны, — доверие общества к власти, легитимацию ее законотворческой и законоприменительной деятельности. Социальный эксперимент, каким явилось строительство социализма, показал, что отсутствие толерантности как социально-политического компромисса между государством и гражданским обществом приводит к аномии. Нарушение принципа социального партнерства обуславливает создание гражданским обществом актуального права, которое не соответствует закону и вытесняет его из правового поля, с одной стороны, и не признается государством и потому приобретает подпольный, теневой характер, — с другой.

Однако толерантность в актуальном праве не является абсолютной и отличается прерывностью и фрагментарностью, так как имеет свои пределы, которые для гражданского общества определяют коррекционную или компенсационную деятель-

ностью государственных органов. Если государство создает и эффективно использует механизмы, устраняющие дефекты и инертность законов (конституционный контроль, судебное правотворчество) или добивается проявления терпимости к своим законам другими мерами (социальные программы, патернализм), гражданское общество склонно проявлять толерантность к его нормативным актам, не смотря на их частные недостатки. Толерантность со стороны государства при актуальном правообразовании может проявляться только в том случае, если сложились и действуют структуры гражданского общества, обеспечивающие лояльность по отношению к закону (средний класс, самодельные организации). При отсутствии данных оснований толерантности актуально-правовые нормы являются результатом социальной борьбы, вражды и принуждения.

Действуя в качестве фактора правообразования, толерантность определяет содержание основных юридических норм, в первую очередь, принципа законности. Законность не имеет абсолютного характера и не означает буквального соблюдения индивидами нормативных актов при любых условиях: при нарушениях предельных оснований толерантности государством единственным выходом для субъектов права будет создание новых юридических норм, основанных на положениях естественного права.

¹ Лекторский В.А. Толерантность как проблема методологии современного обществознания // Толерантность и полисубъектная социальность: материалы конференции. Екатеринбург... С. 9.

² См.: Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.

³ См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. С. 197, 198.

⁴ Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 125.

⁵ См. Большой толковый социологический словарь. (Collins). Т. 2. С.С. 198-200. 305; Современная западная социология: Словарь М., 1990. С. 310.

⁶ См.: Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 145.

МЕТАЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.С. Мартьянов

Мартьянов Виктор Сергеевич — кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

ДЕУНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И МОДЕРНА

Глобализация теоретически представляет собой симуляцию, «послежитие» ценности Просвещения и Модерна, когда они превращаются из целей и содержательных понятий в операциональные политические средства. Аксиома метаязыка глобализации заключается в том, что социальная реальность актуального Постмодерна больше не может быть адекватно отражена на традиционном языке «больших идеологий» и утопий. Последние начинают «бить» мимо цели и во все меньшей степени соотноситься с чем-то политически реальным, вроде классов или других политических субъектов. Метаязык глобализации представляет собой метаязык

теории модернизации, доведенный до своего предельного, глобального уровня: автономизированный от политической ситуации Запада, отрекшийся от апологии наций — государств и классической эпистемы Просвещения и Модерна.

Ключевое отличие парадигмы глобализации в том, что она наносит удар по национальному, как форме реализации универсального ценностного порядка Просвещения. Глобализация провоцирует делегитимацию нации-государства, которое теряет политический суверенитет (теория «ограниченного суверенитета») и превосходится в ходе регулируемой международной транснационализации политики. Отсюда логически следует отрицание значимости национально-государственной специфики, нейтрализация нации-государства как основного участника политического процесса.

Метаязык глобализации, как это ни парадоксально, деуниверсализирует политику. В глобальном политическом контексте, как давно отметил С. Хантингтон, цивилизационные противоречия и культуроцентричные политические концепты действительно вышли на первый план, в то время как универсальные идеологические концепты, политические идеи «для всего человечества»: коммунизм, либерализм, демократия, рынок, капитал — отошли в тень.

Выйдя на глобальный уровень, политическое пространство власти трансформируется, резко приобретая конечность, граничность, имманентность. Бесконечный и всеобщий прогресс Просвещения, так же как, и единство целей — отменяются. Ценностная матрица политики и апологетика власти даются теперь человеку не через идеологическую призму, но через определенную постановку глобальных вопросов, обуславливающую способ их решения в рамках глобального политического пространства: экологический вопрос, энергетическая проблема, проблема перенаселения, проблема голода, разрыв Север-Юг и т.п.

Глобализация в связке: человек-нация-человечество, соответствующей связке: этнос — государство — глобальность (транснациональное, трансидеологическое), выбивает среднюю ступень политической организации нация-государство, на которой строился универсализм Просвещения и Модерна. В результате, параллельно с интеграцией на основе «общечеловеческих» транснациональных ценностей и институтов происходит разрушение политического суверенитета и субъектности наций-государств как изнутри, так и снаружи, что часто ведет к падению уровня политической самоидентификации индивидов к до-государственному и до-национальному (этническому). Глобализация оборачивается архаизацией, разрушением просвещенческого проекта через различные версии пост-Модерна.

Перспективы парадигмы глобализации в политической науке формируются вокруг возможностей, предоставляемых политической теории антагонистом политического метаязыка Просвещения, метаязыком, в основе которого будет лежать возрожденная логика мифа, опирающаяся на принцип и структуру символа. Делегитимация Разума и восстановление на законных политических ролях подавленных и вытесняемых им прежде мыслительных структур вовсе не означает воскрешения архаических структур политического мышления. Миф (нарратив) — это, в первую очередь,

метод, способ описания и познания политической действительности, её закрепления в пространстве представления политической теории. В глобальной парадигме наиболее эффективной становится мифологическая структура политологического метаязыка, нечувствительного к собственным противоречиям и критике, обладающего внутренними резервами множественности смысла, способностью к инвертации значений и понятий, в зависимости от уровня интерпретации, адресата и т.д.

Фактически, место универсальной парадигмальной теории развития (модернизации), дающей привилегированную модель научного политологического метаязыка, сегодня постепенно занимает вытесняющая ее теория изменений, осмысляющая двойственный парадоксальный процесс глобализации/локализации — «глокализации». Если изучение глобализации отсылает к универсальным политическим изменениям и процессам, то локализация, наоборот, предстает как осмысление происходящих на планете уникальных, особенных процессов.

Метаязык теории изменений двойственен и парадоксален в своей установке на рассмотрение любого явления, тенденции, процесса в соответствии с принципом дополнительности. Теория изменений весьма осторожна в выписке универсальных рецептов. Эта теория консервативна и прагматична: не реализация политических идеалов, но осмысление традиции и происходящих в реальности изменений и складывающихся альтернатив диктуют выбор оценок той или иной политики.

Наконец, в глобализирующейся политике сама суть демократии предстает как нестабильный процесс. Метаязык глобализма упраздняет фундаментальный для Просвещения концепт демократии с ее легитимацией политической власти народами. Демократия, «угрожающая самой себе», естественным образом, ведет к концепции, обуславливающей необходимость «управляемой демократии», где осуществляется «своего рода симбиоз политических декораций демократии и реально действующих механизмов олигархии либо авторитаризма».¹

Институты и представления классического политического Модерна, на наш взгляд, действительно испытывает кризис, связанный с тем, что он покинул породившую его социокультурную ситуацию Запада и претендует в своем догматическом виде на роль глобального политического проекта. На этом пути возможны два варианта развития событий. Либо политический Модерн сможет трансформироваться в что-то вроде «плюрализма модерности», избавившись от своих нетранзитивных, уникальных черт особенного, которые характерны только для Запада, в пользу своих черт, которые действительно могут стать всеобщими, либо Модерн будет в глобальном плане вытеснен пост-современным политическим проектом.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Постидеологическое состояние политики связано с выносом в центр политического дискурса концепций особенного и различий, затушевываемых ранее в интересах универсальности доминировавшего дискурса идеологии. Постмодерн вывел на первый план разного рода и генезиса противоречия, а также общности-субъекты, оформляющие-

ся на этих основаниях. Глобализация власти в современном мире, соответственно, вызвала и глобализацию критики власти. Основания этой критики уже не связаны с политической ситуацией на Западе и носят многосоставный характер, их объединение происходит, прежде всего, через сам объект критики, а не в силу сходств оснований для нее.

Причем, метафора глобальных политик, экономик, культур, обществ связана сегодня уже не с властной пирамидальной вертикалью, но с популярной топологией горизонтальных сетей: экономических, политических, информационных, охватывающих весь мир целиком: «Развитие глобальных сетей приводит к ситуации, когда власть структуры становится сильнее структуры самой власти, то есть, социальная морфология доминирует над социальным действием».²

Проблема в том, что теоретическая дискредитация постмодернистами универсальных политических ценностей, институтов, норм, истин, приводит в реальной политике только к войне различий, борьбе всех против всех, партикуляризму и дроблению больших политических форм.

Ироническое размывание Постмодерном идеологических понятий Модерна до предельно широких, то есть манипулятивных значений, указывает на тенденцию обесценивания и обесмысливания ценностей, которые они призваны выражать. Это расслоение структурно и содержательно, в зависимости от адресата («свои» и «чужие») проявляется в росте расхождений между «планом содержания» и «планом выражения» политической речи, превалировании контекста над текстом, риторике над аналитикой, коннотации над денотацией. Внешний метаязык основан на симуляции общепринятых ценностей Просвещения, внутренний описывает реальный смысл происходящего и не предназначен к массовому тиражированию. Наблюдение «внешними» адресатами нестыковок внутреннего и внешнего планов политического метаязыка глобализма ведет к его десакрализации и делегитимации.

Отсюда постмодернистское состояние полилога, многоголосия метаязыков политических субъектов (этносов, государств, цивилизаций, классов, религий), каждый из которых открывает свою истину глобализации. В связи с этим, необходимость встраивания уже существующих политологических метаязыков в глобальный контекст ведет к их кризису. Прежние критико-идеологические метаязыки политики вынуждены быть релевантными уже на местном-национальном-цивилизационном-глобальном уровнях, что приводит к их внутренним противоречиям и ретроспективной переоценке своей эффективности на тех уровнях политического, на которых ранее они были значимы и релевантны.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ

Речь идет о том, как решается философская дилемма тождественного/другого в политическом контексте глобализации. Другой — это зазеркалье. Смотрящий на нас оттуда «объект умолчания», внезапно обретший плоть. Это случай, когда вместо традиционного и привычного отражения своей тождественности, мы вдруг увидели не свое умножение, но Другого. И непонятно, кто на кого

смотрит и кто — чье отражение, кто истинен, а кто ложен. Декартовская самоочевидность субъекта не кажется такой уж очевидной. Это уже не саморефлексия (reflex — отблеск, отражение) тождественного себе субъекта, но интерференция с Другим. То, что абсолютные ранее отражающие приметы, черты, знаки могут теперь обмениваться, искривляться, отслаиваться от отображаемого, порождает фундаментальное чувство тревоги в Глядящем в Зеркало: в себе, в мире, в других.

Другой необходим, чтобы стать самим собой. Познание или развенчание Другого, попытки проникнуть в его суть, включить в себя, лишь разрушают Другого, который должен оставаться тайной. Другой вовсе не является отчужденной частью нас самих, а его отрицание или распознавание отнюдь не является освобождением нас самих, как некое революционное овладение субъектом своими желаниями, волей, своей «подлинностью»: «Лучше зависеть от Другого, чем от самого себя. Зависеть от того, что не зависит от нас: эта гипотеза освобождает меня от какой бы то ни было зависимости. Мне нет нужды подчиниться чему-то от меня не зависящему, в том числе и моему собственному существованию... Никогда не существовала никакой другой истинной свободы, кроме этой».³ Однако сегодня господствует иная аксиологическая стратегия политического исследования. Сегодня рефлексия — это не размышление, это отражение Другого вовне из собственной непрозрачности. Нельзя познавать, то есть, открывать себя, свою сущность, так как этим может завладеть Другой.

В подобном контексте, может быть впервые, осознается как катастрофический, тот факт, что развитие современной цивилизации в сторону потребления, информатизации, глобализации усиливает репрессивный политический нажим на человека вместо желанного освобождения. Иными словами, чем больше культурного содержания: традиций, исторического опыта, национальных идей, языков пытается слиться в нечто интернационально-глобальное, тем больше возникает внутренних границ, умолчаний, ограничений, противоречий и идиосинкразий. Поэтому реальная политическая практика становится все более нетерпимой к отличиям, набор тождеств — «политкорректность», которым должен соответствовать гражданин все время ужесточается, общая сумма запретов, фактически, соответствует тоталитарному политическому состоянию. И здесь борьба с расизмом, шовинизмом, национализмом, терроризмом потенциально может обернуться всеобщей дискриминацией, включая как бывших, так и потенциальных дискриминаторов, дискриминируемых уже в качестве профилактики. Борьба за равенство приводит к нейтрализации различий, без которых противоположности утрачивают свой смысл и сущность.

Клинический диагноз этой тенденции дает анализ глобалистского политического метаязыка: его расслоение на «внутренний» и «внешний», двойные стандарты, термины-эвфемизмы, рост индикаторности, множасьи запреты на словоупотребления — «политкорректность» и т.д.

Парадокс заключается в том, что культурный Другой, ассимилируемый под видом «проклятой стороны вещей», терроризма, цивилизации диких, воспитания недоразвитых, модернизации отсталых,

гибнет именно тогда, когда его начинают приручать, то есть, встраивать во внутренний порядок различий, порядок дихотомий. Он погибает, попадая внутрь универсальности, когда его побуждают отказаться от своей необмениваемости и неповторимости. То есть, признание самостоятельности Другого, его независимости, как условия толерантного отношения к нему — не выполняется. Более того, субсидируя, сохраняя, интегрируя, приручая Другого в культурных резервациях, его сажают на поводок: ни оторваться, ни приблизиться, ни встать вровень оно уже не может. Властный поводок и есть система различий.

Глобализация национальных политических полей выстраивается на основе их полной имманентизации, «овеществления», детерминированности реальным, материальным, посюсторонним, оформленными в логике привилегии экономической референции.

В целом, проблема Другого является истори-

ческим преемником «идеального» онтологического означаемого, в роли которого уже выступали и дикари (дискурс Просвещения), и крестьяне (дискурс народников), и рабочие (дискурс марксизма), и население третьего мира (дискурс антиглобализма) и т.д. Несомненно этическая компонента проблемы Другого имеет большое значение, придавая через чувство вины высокую интенсивность обдумывания данной проблеме. Однако реальная материализация Другого приводит к краху этого утопического представления, когда оказывается, что Другой (эмигрант, беженец, фундаменталист, террорист и пр.), при ближайшем рассмотрении, вовсе не столь идеален и безобиден как это ему приписывается постмодернистами.

¹ Неклеса А. И. A la carte.// Полис № 3, 2001. С. 40

² Мясникова Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности.// Вопросы философии. 2002. № 7. С. 10

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 247-248

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МОДЕРНИЗМ, ПОСТМОДЕРНИЗМ ИЛИ ДОМОДЕРНИЗМ?

Л.Г. Фишман

Фишман Леонид Гершевич — кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Если мы попытаемся оценить ситуацию, сложившейся в сфере современной российской политической мысли, мы, прежде всего, должны определиться в одном: может ли быть она в целом охарактеризована как модернистская, постмодернистская или домодернистская?

На первый взгляд, тут следует дать категорично отрицательный ответ, поскольку очевидно, что политическая культура современной России до такой степени фрагментирована, что не может быть и речи о каком-то едином векторе ее эволюции. И действительно, если ориентироваться на чисто формальные характеристики тех или иных образцов политического дискурса, если учитывать только принадлежность к той или иной интеллектуальной традиции употребляемых в них терминов и методологий, если, наконец, принимать как полностью соответствующую действительному положению вещей самоаттестацию тех или иных представителей политической мысли, мы будем вынуждены признать, что у нас есть и идеологии по образцу Модерна, и продукты постмодернистской политической мысли, и также интеллектуальная традиция, разделяемая далеко не только рядом интеллектуалов, ориентирующаяся на явно домодерновый стиль мировосприятия.

Проблема заключается в том, что в иные вре-